

А. С. Исаков

*Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург*

«Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии

Статья направлена на раскрытие взаимосвязи жесткой и мягкой силы во внешней политике Ирана. Автор анализирует отличия в понимании данных концептов в условиях западной и восточной политик. Выдвигается тезис, что в странах исламского востока «жесткие» методы могут восприниматься как элемент мягкой силы. В заключении представлена эволюция подходов к гуманитарной дипломатии у разных президентов Исламской Республики.

Ключевые слова: мягкая сила, гуманитарная дипломатия, Иран, исламский Восток.

Isakov A. S.

«Soft» and «Hard» power in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran: the role of humanitarian diplomacy

The article aims to explore of the linkages between hard and soft power in foreign policy of Iran. The author analyzes the differences in the understanding of these concepts in the context of Western and Eastern politics. «Hard» methods can be perceived as an element of soft power in the Islamic East countries. In conclusion, the author presents the evolution of approaches to humanitarian diplomacy by the various Presidents of the Islamic Republic.

Keywords: soft power, humanitarian diplomacy, Iran, Islamic East.

В современном мире повышается роль неклассических инструментов во внешней политике. На смену парадигме необходимости пространственного контроля приходят инструменты, основанные на культурном влиянии. Производная международного научно-политического дискурса – идея прав и свобод человека становится экзистенциальной трансценденцией, необходимостью имплементации которой ставится в обязанность каждому госу-

дарству как на нормативном уровне, так и на уровне ценностной артикуляции.

Наиболее успешные, с данной точки зрения, государства получают уникальный ресурс для оказания влияния на других акторов международных отношений. В целом совокупность данных ресурсов раскрывается как «мягкая сила». Данная категория достаточно широко раскрыта в отечественном академическом дискурсе [1, с. 14–29] и может быть сведена к репертуару ресурсов, формирующих позитивный привлекательный образ государства, выражаемый в таких категориях, как «желание» и «вожделение». Традиционно проблематика «мягкой силы» рассматривается с позиции применения исключительно ненасильственных способов воздействия, и, наоборот, что закономерно, обращение к насилию полностью нивелирует накопленный ресурсный потенциал.

Однако в пространстве Восточной политики данный концепт претерпевает некоторые трансформации и не может рассматриваться по аналогии с Западной политикой. Рядом отечественных ученых уже поднимался вопрос о невозможности четкой делимитации границ «жесткого» и «мягкого» во внешней политике государства [2, с. 21–25]. Данная особенность максимально проявляется в восточных обществах, где насильственные меры могут являться способом обретения ресурсов «мягкой силы» и способствовать повышению эффективности гуманитарной дипломатии.

Стоит отметить, что такая ситуация складывается не в силу архаизации общества, а является следствием инверсивных особенностей восприятия реальности. В частности, страны исламского Востока характеризуются как имагинативно-дискурсивный тип [3, с. 316], что раскрывается в примате идеологии над политической практикой; соответственно, любые действия, выстраиваемые на основе артикуляции актуальным аксиологическим репертуаром населения, будут восприниматься в контексте «мягкого» или гуманитарного воздействия.

Особенно ярко это отражается на характере гуманитарной дипломатии Исламской Республики Иран. Анализируя историографию вопроса, стоит провести эвристическую границу между традициями гуманитарной дипломатии монархического Ирана и Исламской Республики Иран, пришедшей на смену режиму шахиншахов в ходе Исламской революции в 1978–1979 гг.

До Исламской революции страна имела разветвленные и интенсивные связи с Европейскими государствами и выстраивала собственное развитие, ориентируясь именно на данную группу стран, что было выражено в попытке транзита модели вестернизации, разработанной и имплементированной в Турции Мустафой Кемалем. Возглавляемая шиитским духовенством революция совершила полный институциональный поворот в подходах к не только внутренней, но и внешней политике.

Изначально, совокупное гуманитарное воздействие во внешней политике Исламской Республики Иран было направлено на экстенсивное продвижение идеи великого аятоллы Рухоллы Хомейни об «экспорте исламской революции». Постепенно взгляды иранского истеблишмента претерпевают значимую эволюцию, основанную на особенностях функционирования политической системы, а именно фракционализме. На сегодняшний день, в стране выделяют пять основных фракций (от левого политического спектра к правому соответственно): реформисты (Reformists), прагматики (Pragmatic conservatives), традиционалисты (Traditional conservatives) и реакционеры (Principlists) [4, с. 12]. Каждая из представленных фракций имеет собственную внешнеполитическую повестку и собственное представление о характере гуманитарной дипломатии страны.

Институционально гуманитарная дипломатия как часть внешней политики Исламской Республики Иран прослеживается со времени президентства Али Акбара Хахеми Рафсанджани (1989–1997). Относящийся к числу прагматиков глава правительства рассматривал гуманитарные каналы воздействия как инструмент продвижения прежде всего экономических интересов государства. Особенно это касалось вопросов торговли углеводородов и покупки современных технологий.

Развитие и окончательное институциональное оформление гуманитарной дипломатии Ирана получает уже во время президентства реформатора Мохаммада Хатами (1997–2005). Его концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций», как отмечают многие исследователи, стала своеобразным ответом концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [5, с. 46–55]. Впервые данные идеи были озвучены в декабре 1997 г. в ходе выступления на сессии организации Исламская Конференция (ныне Организация исламского сотрудничества). В продолжении идей, именно по инициативе главы

иранского правительства, 2001 г. был объявлен ООН Годом диалога цивилизаций.

Непосредственно сами идеи восходили к тезису о том, что современные мусульманские страны отчасти находятся в состоянии добровольной автаркии и создают ограничения на проникновение современных достижений науки и техники, так как они, являясь выражением Западных ценностей, оказывают маргинализирующее воздействие на исламские традиции. Данная ситуация складывается как следствие колониальной системы, отразившейся на мироустройстве в конфигурации, когда страны Запада максимизировали свою экономическую и политическую роль, а активность жителей исламской ойкумены была подавлена.

Данная ситуация оценивается М. Хатами критически, приводится тезис о том, что технологические новации как таковые не могут оказывать негативного воздействия на общество. Отсюда следует, что взаимный обмен технологиями и идеями является залогом прогресса и не должен ограничиваться никаким образом, в том числе не допускаются ограничения на информацию. Главная же функция государства – защита прав и свобод человека. При этом в качестве основных ограничителей назывались внутренние – местные обычаи и архаичные настроения, тормозящие развитие; внешние – негативное иностранное воздействие. В целом превзойти данные ограничения способна политика мультикультурализма, снимающая проблему излишнего социального консерватизма, и сильное патерналистское государство, оберегающее и защищающее человека. Сила же государства понималась как совокупность силы его институтов, именно поэтому во времена правления Мохаммада Хатами максимально развилась партийная система страны.

Тем не менее большая часть подобных провиденциалистских инициатив не нашла понимания среди традиционалистского населения, поэтому большинство начинаний было свернуто, а курс гуманитарной дипломатии ключевым образом сменил приоритеты. Сменщик М. Хатами – Махмуд Ахмадинежад (2005–2013), поддерживаемый реакционерами, добавил значимое количество «жестких» инструментов в образ Ирана. Это выразилось и в ядерной программе, и в интенсификации участия в вооруженных конфликтах за рубежом, в агрессивной риторике по отношению к США и Израилю. Однако стоит отметить, что это не оказало однозначно нивелирующего воздействия на «мягкий»

потенциал, так как даже агональная риторика, соответствующая аксиологии большинства мусульманской уммы, воспринималась в контексте гуманитарного воздействия.

Окончательная трансформация гуманитарной дипломатии как составной части внешней политики Исламской Республики Иран происходит в настоящее время, в процессе президентства консерватора Хасана Роухани (2013 – наст. время). Им проводится взвешенный курс, который отказался от агрессивной риторики, однако, происходит наращивание силовой составляющей в экспансии государства. Особенно это проявилось в участии Ирана в вооруженных конфликтах в Сирии, Ираке и Йемене.

При этом опыт участия в вооруженных конфликтах также показывает примеры нетипичного для Западной политики примера гуманитарной дипломатии. Так, поддержка лояльных Башару Асаду парамилитарных формирований, как «Хезболла» и «Фатимион», воспринимается местным населением в гуманитарном аспекте и, по сути, является инструментом «мягкой силы».

В целом в понимании гуманитарной дипломатии Исламской Республикой Иран произошел качественный сдвиг, трансформировавший неудачные попытки экспорта исламской революции в целостную систему гуманитарного воздействия, балансирующую на грани «жесткой» и «мягкой» силы. При этом остаются актуальными и традиционные механизмы, как культурная дипломатия, осуществляемая на уровне языкового и религиозного сотрудничества.

Список литературы

1. *Русакова О. Ф., Ковба Д. М.* Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 2. С. 14–29.
2. *Табаринцева-Романова К. М.* Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.
3. *Игнатенко А. А.* Зеркало ислама. М. : Русский институт, 2004.
4. *Nader A., Thaler D.E.* The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran. Santa Monica : RAND, 2011.
5. *Курьлев К. П., Никулин М. А., Гончаров А. А.* «Мягкая сила» культурной дипломатии исламской республики Иран // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.